

тех пор ямой Кари,

CXXX

Теперь надо рассказать о Скарпхедине. Он побежал вверх по балке вслед за Кари, но когда он добежал до того места, где балка всего больше обгорела, она рухнула под ним. Скарпхедин успел прыгнуть вниз и сразу же снова бросился вверх по балке и взбежал на стену, но тут балка съехала под ним со стены, и он свалился вниз. Тогда Скарпхедин сказал:

– Теперь ясно, что мне суждено.

Он пошел вдоль боковой стены. Гуннар, сын Ламби, вскочил на стену и увидел Скарпхедина. Он сказал:

– Ты, кажется, плачешь, Скарпхедин?

– Нет, – отвечает тот, – но глаза и впрямь пощипывает. А ты, кажется, смеешься?

– Конечно, – говорит Гуннар, – и я ни разу не смеялся с тех пор, как ты убил Траина на Маркарфльоте.

Скарпхедин сказал:

– Вот тебе на память об этом!

Он вынул из своего кошелька зуб, который он выбил у Траина, и бросил его в Гуннара. Зуб попал ему прямо в глаз, так что глаз выскочил на щеку, а Гуннар свалился со стены.

Потом Скарпхедин пошел к своему брату Гриму. Они взялись за руки и стали затапывать огонь, но когда они дошли до середины дома, Грим упал мертвый.

Скарпхедин пошел тогда в конец дома. Раздался сильный грохот. Это обрушилась крыша. Скарпхедин оказался между обрушившейся крышей и стеной и не мог оттуда выбраться.

Флоси и его люди оставались у сгоревших построек до самого утра. Какой-то человек подъехал к ним. Флоси спросил, как его зовут. Тот сказал, что его зовут Гейрмунд и что он родич сыновей Сигфуса.

– Большое дело вы сделали, – говорит он.

Флоси отвечает:

– Люди будут называть это и большим делом и злым делом. Но теперь уже ничего не поделаешь.

– Сколько здесь знатных людей погибло? – спрашивает Гейрмунд.

Флоси отвечает:

– Здесь погибли Ньяль и Бергтора, все их сыновья, Торд, сын Кари, Кари, сын Сальмунда, и Торд Вольноотпущенник. О других мы не можем точно сказать, потому что не знаем их.

Гейрмунд сказал:

– Ты назвал среди погибших того, кто на самом деле спасся и с кем я разговаривал сегодня утром.

– Кто же это? – говорит Флоси.

– Я и мой сосед Бард встретили Кари, сына Сальмунда, – говорит Гейрмунд, – и Бард дал ему свою лошадь. У него обгорели волосы и одежда.

– Было у него при себе какое-нибудь оружие? – говорит Флоси.

– У него был меч Фьярсавнир («Усыпитель жизни»), – говорит Гейрмунд. – Его лезвие посинело, и мы сказали, что оно, наверно, потеряло закалку, но он ответил на это, что закалит его снова в крови сыновей Сигфуса или других участников сожжения Ньяля.

– Что он сказал о Скарпхедине и Гриме?

Гейрмунд отвечает:

– Он сказал, что они оба были еще живы, когда он с ними расстался, но, наверно, теперь уже умерли.

Флоси сказал:

– То, что ты нам сказал, не обещает нам покоя, потому что спасся человек, который всего больше похож на Гуннара из Хлидаренди. Знайте, сыновья Сигфуса и все вы, что из-за этого пожара начнется такая большая тяжба, что многим она будет стоить головы, а некоторым всего добра. Я думаю, что никто из вас, сыновей Сигфуса, не посмеет теперь жить у себя дома, и это вполне простиительно. Я приглашаю вас всех к себе на восток, и пусть у нас будет одна судьба.

Они поблагодарили его. Тогда Модольв, сын Кетиля, сказал вису: